

Содержание

Предисловие Питера Акройда.....	5
Введение.....	9
Чарльз Диккенс (1812–1870): Краткий очерк жизни.....	13
А теперь поговорим.....	23
Пицца для ума.....	24
Огни рампы.....	31
Перо, чернила и дуэль двух жаб.....	37
Комический гротеск.....	45
Приятели-литераторы и узкий круг дам.....	51
Жалкая, убогая, ничтожная сумма.....	57
Прекрасный пол.....	64
Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.....	70
Завораживающее движение.....	74
Не та республика, что я себе рисовал.....	78
Притягательность отворачивания.....	82
Почему Оливер просил добавки.....	87
Вырасти человеком образованным.....	92
Вера в людей.....	97
Беззаботный побег.....	100
 Примечания.....	 106
Дополнительные материалы.....	108

Предисловие

Питера Акройда

Брать интервью у Диккенса было бы делом непростым, если не сказать пугающим. Вам следовало бы явиться точно вовремя: Диккенс терпеть не мог любых опозданий и устраивал выволочку любому, кто приходил позже оговоренного времени, пусть даже всего на две-три минуты. Как только вы оказались бы у него, он вскочил бы с кресла и, энергично пожав вам руку, произнес бы знакомые слова приветствия: «Как выживаете? Очень рад вас видеть!» Он излучал невероятную энергию. Однако мог быть и мягким — мягким, как женщина, как сказал кто-то из его современников. И моментально располагал к себе любого собеседника.

Диккенс говорил оживленно и выразительно. Он подчеркивал некоторые слова — чуть театрально (возможно, выработав эту манеру во время постоянных публичных чтений), но в его речи присутствовали легкая смазанность и хрипотца, которую порой принимали за шепелявость. Некоторые отмечали «металлический» характер его голоса, вероятно, связанный с долгим проживанием в городе. У него никогда не было простонародного городского или деревенского

акцента: ему был свойствен странный, ровный, гибридный лондонский говор.

Внешность у Дикенса была запоминающаяся. Он всегда носил яркую одежду, ненавидя черный цвет, принятый тогда у мужчин среднего класса. Соответствуя собственному призыву «Поярче! Поярче!», он мог надеть алый жилет, бутылочно-зеленый сюртук и брюки в аляповатую клетку. В пожилом возрасте он выглядел гораздо старше своих лет: его измотал писательский труд, которому он предавался с работоспособностью и энергичностью десятерых. Никто и никогда не трудился столь усердно и неустанно.

О чем вы говорили бы, встретившись с Дикенсом? Он стремительно охватывал множество предметов и тем. Если вы произносили слово, которое ему нравилось, он тут же вцеплялся в него и повторял. «Да! — восклицал он, — вот именно!» Ему было свойственно неожиданно менять тему. Он говорил резко и отрывисто и производил впечатление человека нервного, импульсивного и легковозбудимого. Он яростно жестикулировал (совершенно не по-английски), часто вскакивал с места и начинал расхаживать по комнате.

У Дикенса были любимые фразочки, например «Господи, нет!» и «Боже, благослови!». Слушая вас, он кивал и часто вставлял: «Конечно» или «Точно» — и имел привычку перебивать собеседника комплиментом: «Отлично! Отлично!» Он смеялся охотно и часто и всегда готов был перенаправить разговор в комическое русло. Все отмечали, что он был совершенно лишен высокомерия и заносчивости. У вас не создавалось впечатления, будто вы находитесь в обществе

«великого писателя» — скорее это было общество приятного и чуткого человека. Он умел слушать. Он был доброжелателен и отзывчив.

Благодаря своим произведениям и своей карьере Диккенс стал важнейшим символом Лондона XIX века и викторианского общества в целом. Его задумчивая меланхоличность и яркий юмор отражали два мощных течения английского мироощущения, его энергичность и оптимизм воплощали прогресс той эпохи, а призывая к социальным реформам, он озвучивал все тенденции своего времени.

Итак, начинайте свое знакомство с Чарльзом Диккенсом.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Pew Ah' followed by a long, sweeping horizontal line.

Введение

Чарльз Диккенс стал для XIX века тем, кем сейчас становятся поп-звезды. «Неподражаемый» — так он сам себя называл, и совершенно справедливо. Он был объектом всемирного обожания в беспрецедентных для того времени масштабах. Первый роман, «Записки Пиквикского клуба», который он написал, когда ему было всего двадцать четыре года, стал издательской сенсацией и множество раз переиздавался, сокращался, инсценировался и порождал выпуск побочных продуктов на протяжении всего века. Через четыре года после первого успеха начали появляться еженедельные выпуски с историей маленькой Нелл из «Лавки древностей», и ближе к завершению этого повествования их тиражи превысили 100 000 экземпляров. В 1841 году еще не достигший тридцатилетия Диккенс стал «свободным гражданином» Эдинбурга. На следующий год во время турне по Соединенным Штатам встречать его собирались огромные толпы. Три тысячи человек пришли на «бал Боза» (названный по псевдониму Диккенса), состоявшийся в Нью-Йорке. «Не могу передать, как тут меня встречают, — писал Диккенс домой своему брату Фредерику, — как привет-

ственно кричат каждый раз — на улицах — в театрах — в помещениях — и куда бы я ни шел» [1].

Диккенс со своими длинными волосами и возмутительными жилетами отыгрывал роль до конца. Он создавал у своих читателей образ доброжелательной чуткости, который подкрепляли его турне по Британии, Ирландии и Америке, где он читал отрывки из своих произведений. Когда он умер, был объявлен траур: его почитателям казалось, что они потеряли друга. Однако Диккенс скрывал от публики некоторые стороны своей жизни: его связь с актрисой Эллен Тернан на двадцать семь лет моложе оставалась тайной даже спустя полвека после смерти писателя. И даже сейчас мы не знаем точно, каков все-таки был характер их отношений. С современной точки зрения невозможно поверить, что они не были любовниками, однако Диккенс идеализировал непорочных молодых женщин, а в его поздних романах проявляется боль безответной любви. Отнюдь не исключено, что физической близости между ними не было.

Если биография Диккенса и не вполне повторяет сказочный сюжет «из грязи да в князи», она весьма романтична, и для своих книг писатель немало заимствовал из собственного опыта, по крайней мере при создании молодых героев, ведущих безупречную жизнь вопреки страданиям. Оливер Твист, Николас Никльби, Дэвид Копперфилд и Филипп Пиррип начинают — как и сам Диккенс — одинокими и ранимыми и забытыми или преследуемыми. Несмотря на это, они обретают уважение и благополучие, а порой также счастье и любовь. Диккенс проделал путь от серьезных

финансовых затруднений до значительного богатства, от заброшенности в детстве до всеобщего поклонения в зрелом возрасте, от сомнительных знакомств до приватной аудиенции у королевы Виктории. Его жизнь сама по себе служит образцом викторианского идеала, состоявшего в самостоятельном решении всех проблем: в то время усердный труд превозносился как способ продвижения индивидов (и даже самого общества) от тяжелых истоков к изощренной эlegantности, комфорту и просвещенности [2].

Репутация Чарльза Диккенса у сторонников реализма стала ухудшаться в конце XIX века и еще больше пострадала в начале XX века с возникновением модернизма. Однако его популярность у широких кругов читателей оставалась на высоте, и лучший критик Диккенса, Гилберт Кит Честертон, восхвалял его произведения как раз в тот период, когда в литературных кругах его ценили меньше всего. Влияние Диккенса на последующие поколения романистов неизмеримо, а с середины XX века в Англии его стали ставить на второе место после Шекспира.

Чарльз Диккенс (1812–1870)

Краткий очерк жизни

В последнее десятилетие своей полной событий жизни Чарльз Диккенс написал серию прекрасных очерков, которые были опубликованы в виде книги «Путешественник не по торговым делам» (1860–1869). В одном из этих малоизвестных эпизодов он рассказывает о встрече с «очень странным мальчуганом», который мечтает поселиться в особняке на Гэдс-Хилл в графстве Кент — в месте комичной попытки ограбления, совершенной Фальстафом в «Генрихе IV. Часть первая» Шекспира. Мальчик говорит, что отец сказал ему: если он будет «очень упорно и много трудиться», то когда-нибудь сможет жить в этом доме. «Я порядком удивился, услышав такое от этого странного мальчугана, — замечает рассказчик, — потому что тот дом — это МОЙ дом, и у меня есть все основания полагать, что сказанное им — правда». В этой истории квинтэссенция диккенсовских произведений: романтическое очарование детства, викторианское стремление преуспеть за счет личных усилий, наслаждение литературными ассоциациями и способность превратить заурядное происшествие в захватывающий, волнующий и значимый эпизод.

Чарльз Диккенс родился в Портсмуте, графство Гемпшир, 7 февраля 1812 года, когда Наполеоновские войны близились к завершению, и провел самые счастливые дни своего детства в Чатеме (Кент), где его отец Джон Диккенс (1785–1851) был служащим Военно-морской кассы. Диккенс бережно хранил воспоминания о периоде с пяти до десяти лет в немалой степени потому, что для него детство закончилось, когда у семьи возникли финансовые проблемы. Двенадцатилетнего Чарльза забрали из школы и отправили работать на лондонскую фабрику, где производили ваксу: он клеил этикетки на баночки с ваксой прямо у окна, на виду у всех прохожих. Как будто этого унижения было мало, его отец попал в долговую тюрьму. Но даже после того, как Джон Диккенс вышел на свободу, мать Чарльза Элизабет (1789–1863) настаивала, чтобы сын продолжал работать на фабрике и помогал содержать семью. «Я никогда не мог забыть, никогда не забуду, просто не смогу забыть, — с горечью писал Диккенс во фрагменте автобиографии, опубликованном посмертно его другом Джоном Форстером (1812–1876), — что моя мать настаивала, чтобы меня снова туда отправили» [3]. До самой смерти писателя этот важный год оставался тайной, которую Диккенс тщательно скрывал ото всех, за исключением жены и ближайшего друга. Этот опыт пробудил в Диккенсе яростную решимость добиться успеха своими силами и обеспечить себе финансовую защищенность. А чувство глубокого унижения, порожденное столь суровым испытанием, оставило после себя неуверенность и сомнение в собственной респектабельности,